

БЕСЕДА С РУКОВОДИТЕЛЕМ ОТДЕЛА
КОМПАНИИ «АНГСТРЕМ» ВЯЛТОЙ ОРЕХАНОВОЙ

«УНИВЕРСИТЕТ КАК ДРАГОЦЕННАЯ ЖИЛА В РАЗРЕЗЕ ЖИЗНИ»

Вялта Ореханова – руководитель отдела корпоративных коммуникаций компании «Ангстрем», очень отзывчивый человек и к тому же дважды выпускница ВГУ. По мнению Вялты, университет – это очень много линий любви и тем для разговоров.

Чем для вас был и остаётся университет? Есть что вспомнить? Самое удивительное, запоминающееся, что с вами произошло за годы учёбы? И вообще, как вы попали в Воронежский государственный университет?

– Когда тебе 17 лет, форма привлекает больше, чем содержание. ВГУ ведь родом из знаменитого Юрьевского-Тартуского университета. А у меня с ним были ещё и личные отношения, в детстве я почти десять лет жила в Тарту, в Эстонии. Оттуда и моё имя – Вялта. Папа у меня был военным, имел отношение к Внешторгу. А моя мама несколько раз выходила замуж, поэтому в детстве и юности я меняла места жительства, смотрела, сравнивала.

Ещё один личный момент: моя бабушка всю жизнь проработала геологом, она заканчивала геологический факультет ВГУ. Бабушка меня воспитывала, и она всё время с таким уважением, если не сказать почитанием, отзывалась об alma mater – ВГУ. Она училась и заканчивала его как раз в годы войны. Один из её однокурсников преподавал у меня – Николай Иванович Хожаинов.

– Я тоже его знаю, делал о нём публикацию для книги об университете, когда ещё был студентом, в 80-е годы. Он уходил на фронт из ВГУ, сюда же вернулся после войны.

– Я начинала учиться в конце 80-х, застала те счастливые времена. Если мне не изменяет память, Николай Иванович преподавал у нас минералогию осадочных пород. Моя связь с университетом началась в старших классах школы, когда бабушка стала обсуждать со мной мою дальнейшую судьбу. Ей не

хотелось, чтобы я стала геологом. Она настоятельно рекомендовала мне пойти учиться на стоматолога. Умная бабушка. Но сама того не желая, она уже тогда зародила во мне это стремление – поступать именно в университет и именно на геологический. В 1989 году был сумасшедший конкурс на геолфак. Я серьёзно готовилась и поступила. Факультет, который располагался в главном корпусе на Университетской площади, был мужской и в части студенческого состава, и в части преподавательского. Самое сильное впечатление на меня даже по прошествии стольких лет производит тот самый преподавательский состав. Для меня с определённого момента все мужчины стали делиться только на две группы: на тех, за кого бы я вышла замуж, и на тех, за кого не вышла бы никогда. Сейчас я понимаю, что практически весь преподавательский состав геологического факультета относился к первой категории. Умнейшие, с потрясающим чувством собственного достоинства, образованнейшие и порядочные люди. Я такого скопления настоящих мужчин в самом хорошем смысле этого слова, без гендерных отсылок, без эротических подтекстов не встречала нигде. Я до сих пор помню Сергея Николаевича Закутского, Вячеслава Юрьевича Скрябина, Александра Ивановича Трегуба и многих других. Нам же приходилось пройти с ними и жару, и холод. Не знаю, как сейчас, но в те времена на геологическом факультете два раза в год – на зимней сессии, и после летней – у нас была обязательная геологическая практика, и это была не лайт-версия. Практики запомнились на всю жизнь. Преподаватели жили с нами одной жизнью, при этом оставаясь настоящими преподавателями. Препода-

вательский состав геолфака университета вложил в меня уверенность и мысль о том, что я училась в академическом вузе, по содержанию, по сути.

– А что вы вкладываете в понятие «академический»?

– Я не знаю, как определяется этот термин в Большой советской энциклопедии или в википедии. Для меня это образовательный и человеческий уровень преподавателей – это раз, второе – широта и глубина базовых знаний, которые они дают студентам. И третий момент – сочетание теоретической базы с прикладной. Эти три составляющие отчётливее всего проявлялись как раз во время практик. Удивительным было всё, но главное – отношения в группе. Мы ездили и большими группами, целыми курсами, и нашей, небольшой, в которой было 13 парней и 2 девушки. У нас была практика на Эльбрусе, затем в Крыму. Потом нас стали посылать в геолого-разведочные места и экспедиции. По тем временам в Советском Союзе геологическая наука была ведь очень сильна. Я горжусь, что у меня преподавал Николай Михайлович Чернышов, тогда ещё не академик. Академический вуз – тот, который формирует личность. Мою личность сформировали преподаватели геологического факультета ВГУ. От них у меня умение держать удары, отличать хорошее от плохого, и вместе с тем не делить жизнь только на чёрное и белое.

– Для нас, филологов и журналистов 80-х, чем-то вроде ваших практик были колхозы, картошка. Колхозы – то, что запоминается на всю жизнь. Когда все вместе в одной борозде, в прямом смысле этого слова – и первокурсник, и профессор. Когда преподаватели носят ведра и мешки картошки вместе с тобой. И при этом ведут себя так, будто они в аудитории, постоянно вещают о чём-то очень интересном и важном. Процесс работы, учёбы, общения, единения, братства университетского – вот что было в университетском колхозе. Потом всё это перемещалось в вечерние баракы, преподаватели вместе с нами, студентами, постоянно что-то сочиняли: вечера песни, анекдота, драматической или комедийной инсценировки, что угодно, почти до утра. А утром снова все уходят в поле. И студент, и профессор, которому за 50. Они там загорались и зажигали нас...

– Да, у нас было что-то похожее по духу. Преподаватели были вместе с нами и среди нас. Мы не воспринимали их как отдельную касту недостижимых. У нас были дружеские отношения, не переходящие при этом в фамильярность. И в голову бы никому не пришло поставить под сомнение авторитет преподавателя. Они всё время были с нами, но всегда чуточку впереди. До сих пор помню восхождение на какую-то гору, она была невысокая, но была до-

вольно большая группа студентов. И наш преподаватель Александр Иванович Трегуб постоянно шёл впереди, хотя ему было уже далеко за сорок. Но он был поджарым, сухим, с отточенной «дыхалкой» и колоссальной выносливостью. Обогнать его на всём протяжении маршрута не смог никто из студентов. А он, казалось, не прикладывал никаких усилий, чтобы держать эту пальму первенства. Он действительно вёл за собой.

Другой пример – Сергей Николаевич Закутский. Я ни разу не слышала, чтобы он на кого-то повышал голос или кричал, но любая его фраза, даже брошенная вскользь, никогда не оставалась незамеченной и не принятой к исполнению. Именно они, наши преподаватели, сделали годы в университете самыми яркими и эмоциональными.

– Мне кажется, что геологический факультет – особенный. В том смысле, что геологи – везде, во всех отраслях и сферах. Их много в журналистике, в пиаре. С чем это связано?

– Я думаю, что геология как наука и отрасль формировала личность в жёстких условиях. Поэтому у нас, геологов, высокая степень адаптивности. Как говорила моя бабушка, тебя и палкой не убьёшь. Высшая степень выживаемости – это то, что ты, хочешь или нет, получаешь, окончив геологический факультет. Поэтому ты можешь общаться, активно коммуницировать в разных жизненных ситуациях, у тебя высокая степень приспособляемости. Почему? Геолог знает: твой жизненный разрез не может быть только светло-розовым или угольно-чёрным, здесь зелёный, тут голубоватый, там коричневатый, а здесь оранжевый! Поэтому геологов везде много, факультет определял не только профессию, а в какой-то степени будущую судьбу, он закладывал универсализм в хорошем смысле слова.

– Улетели 80-е, пришли 90-е. Это было время, когда вы завершили учёбу. Как сложилась ваша дальнейшая судьба? Помню, в 90-е я часто слышал красивое имя Вялта рядом с другим красивым именем – «Ангстрем».

– После окончания университета у меня начались бурные личные перипетии, но очень скоро я вернулась в Воронеж. Первой компанией, в которую я по-настоящему устроилась, был «Ангстрем». Видимо, не только в смысле встреч с хорошими людьми, но и с хорошими компаниями я – божья любимица! «Ангстрем» образовался 14 мая 1991 года, я пришла сюда три года спустя. И сразу поняла, что это у удачно зашла. Мне позвонила подруга, сказала: «Они секретаря ищут, сходи на собеседование». Я пришла, но меня не взяли. И вдруг спустя месяц – звонок. Сказали, приходите, мы вас берём. Оказалось, моя предшественница не прошла месячного испытания.

С тех пор я в «Ангстреме» и работаю.

Девяностые в России – это ведь не только эпоха бандитской лихости, а становления всего, от частного мебельного производства до рекламы. Было много суррогата и мало тех, кто оказался способен создавать действительно что-то ценное и полезное. Конечно, все люди на образовавшемся рекламном рынке друг друга знали. А людей, которые в «Ангстреме» обеспечивали внешние коммуникации, было не так много, вернее, это была одна я. Наверное, тут и кроется объяснение, почему имя Вялта спаяно с «Ангстремом».

– В Воронеже это уже на уровне мема: основатель компании Геннадий Чернушкин построил «Ангстрем» на свалке. Помните?

– Отцы-основатели компании – студенты политеха, их было четверо. Первый цех «Ангстрема», вернее, помещение в цехе появилось на улице Урицкого, на территории завода, а офис был на первом этаже общежития при нём. В 1999 году мы начали строительство современной фабрики здесь, на улице Торпедо. Действительно, на этом месте была свалка промышленного назначения. Было такое предприятие – ВМК – Воронежский мебельный комбинат, и эта земля, по-моему, принадлежала ему. Там были какие-то железобетонные останки, в общем, готовая съёмочная студия для «Сталкера». Мы расчистили эту землю и начали строительство. Сейчас это наша основная офисная площадка. Я недавно просматривала архивные записи «Ангстрема». Что было и что стало. Это, конечно, тихий ужас. И гордость за компанию.

– В «Ангстреме» постоянно происходит что-то очень интересное, не связанное с производством, с бизнесом. Но, наверное, с духом компании связанное. Я много раз слышал о загадочных экспедициях в труднодоступные места России, которые совершают сотрудники компании, вижу юмористические клипы и фильмы, в которых участвует всё руководство «Ангстрема». Вы тоже участвуете во многих из этих «безобразий». Зачем это?

– Наверное, поэтому я и работаю в этой компании столько лет, потому что нет ощущения заскорузлости, чопорности и монашества, которое очень сильно пахивает ханжеством. Собственник у нас такой, живой, не мумифицированный, не канонизированный. Он собственное производство не рассматривает только как бизнес, как средство извлечения прибыли. Для него это инструмент, в том числе для того, чтобы обеспечить финансами далеко идущие социально-просветительские проекты. Я не буду кривить душой, понятно, так было не с самого начала. Приведите мне пример человека, причём далеко не самого обеспеченного, который в 25 лет приходит к такой мировоззренческой позиции? Понятно, что эта философия формировалась и зрела постепенно. Сейчас Геннадий

Викторович Чернушкин вышел на ту ступень, когда ему ближе всего вот эта парадигма, бизнес ради денег – это не его. Собственно, так он и действует.

Понятно, что социально ответственный бизнес – это сейчас очень модно. Рабочие места обеспечивают налоговую базу и так далее, но это всё для бизнеса. Этим занимаются многие. Для него бизнес – это инструмент социально-просветительских проектов, направленных, прежде всего, на подрастающее поколение. Умер профессор Капица, уходят из жизни другие наши мастодонты-просветители. Пусть живут и здравствуют такие университетские мэтры, как Лев Кройчик и Бронислав Табачников, но когда-то и их не станет. Александр Архангельский по этому поводу сказал очень хорошую фразу: «Оглянитесь, у нас на скамейке запасных никого, их кто заменит?» В этом – большая трагедия и большой страх. Поэтому все проекты «Ангстрема»: «Большая игра», школа эффективной коммуникации «Репное» – это как раз те проекты, которые направлены на то, чтобы было кем заполнить скамейку запасных.

– Не раз слышал, как знающие люди говорят: «Воронеж – не провинция, это – университетский город». В ходу в Воронеже и выражение – «университетский человек». Речь идёт не столько о выпускниках ВГУ, сколько о людях, связанных с университетом не профессионально даже, а духовно. А вы что понимаете под этим словосочетанием?

– И «Ангстремом» движет то, что связано с этим понятием. Второе образование я получила там же, на вечернем отделении факультета романо-германской филологии. Мне и в голову не пришло идти в другой вуз. Для меня существует только ВГУ. Я думала, что всё, я закончила РГФ, и связи с университетом прекратились, я ведь «глубоко работающий» человек. Но не тут-то было! Всё равно даже по роду службы я туда возвращаюсь. Геннадий Викторович является членом Попечительского совета ВГУ, ряд проектов у нас неразрывно связан с университетом. Как бы мы ни стремились отделиться, всё равно траектория движения и развития выстраивается так, что мы волей-неволей возвращаемся в наш университет. Взять проводимый нами студенческий конкурс «Поколение “Ангстрем”». Самые яркие достойные работы приходят из университета.

Университетский человек – это понятие нельзя охарактеризовать какими-то качественными показателями, и количественными тоже. Это что-то нематериальное. Академик Сахаров говорил: «Почему не любят классическую интеллигенцию? Потому что можно изобразить порядочного человека, светскую львицу, кого-то ещё. А интеллигентность изобразить нельзя». Ты или университетский человек по духу, и рано или поздно всё равно вернёшься в *alma mater*, окажешься там в какой-то из своих ипостасей, или же нет.

Беседовал Андрей Золотухин